

Воспоминания

Пушкина, 28, Маяковского 54, Соцгород, второй квартал, дом Первый Северный. Это адрес одного и того же дома, ограничивающего с южной стороны современную площадь Победы. Построен он в 1941 году. Никакой площади в то время не было. Вниз, под гору, уходил огромный пустырь, на востоке которого красовались две школы, а на западе возвышался уникальный комплекс – Дворец культуры ММК и гортеатр. Между школами проходила железная дорога, и паровозы, везущие вагоны со строительными материалами, останавливались в двух шагах от чугунной ограды проспекта Пушкина. Именно такую картину наблюдал я из окна нашей квартиры в раннем детстве.

Артисты, ссыльные, чекисты...

На моих глазах пустырь сокращался. Напротив, на улице Рубинштейна, построили дом с магазином «Спорттовары», а в 1957 году площадь украсил дом с башней, в котором открылась почта и расположилась переведённая из музучлища музыкальная школа № 1. Дом был красивый. По проекту башню должна была украшать скульптура то ли сталевара, то ли строителя, но началась хрущёвская борьба с излишествами, и дом «украсила» невнятная башенка в виде сарайчика, а макет башни с мужиком сдали в городской музей.

В этом же году на проспекте появился памятник Ленину и началось строительство большого дома с кинотеатром «Мир». В центральной части нашего дома находились два магазина, в которых торговали мясными и молочными продуктами. Позже их объединили в гастроном «Центральный».

В памяти всплывают разнообразные картинки того, что происходило во дворе. Дом был построен перед самой Великой Отечественной войной, и первыми его жителями были эвакуированные из Днепропетровска, Днепропетровска и других металлургических центров Украины. В конце войны многие из них вернулись в родные края, и дом стали заселять начальники цехов и управлений комбината, руководители различных городских организаций, театра, Дворца культуры. Жили здесь профессора вузов, артисты, чекисты, а также и семьи раскулаченных и репрессированных.

От возков до лимузинов

Возле подъездов можно было увидеть разнообразные транспортные средства. Здесь останавливалась двухкабинка начальника транспортного цеха – обычная полторка, которой приделали вторую кабину для увеличения посадочных мест. Этой машиной управляла женщина. Она позволяла детворе заползать в машину и вела с нами весёлые беседы. У нашего подъезда стоял джип непонятной породы, по кличке «бобик», начальника Механомонтажа. Главврач второй горбольницы приезжала на возке, запряжённом лошадкой, а у второго и пятого подъездов останавливались лимузины – ЗИМ и ЗИС председателя горисполкома и секретаря горкома. Начальники жили в основном на третьем этаже, где были выходившие во двор большие балконы. Здесь же проживала и семья Героя Советского Союза Ивана Бибишева – его отец, сестра и племянники, а в 60-е с одного из балконов третьего этажа за нашими футбольными баталиями наблюдал легендарный хормейстер Семён Григорьевич Эйдинов.

Двор нашего детства

Георгий Шахтарин приглашает друзей встретиться полвека спустя на страницах «ММ»



Жорка Шахтарин и Мишка Михлин на футбольном поле

Первый Северный

Поэтический диалог двух повзрослевших сыновей магнитогорского левобережья.

✍ Михаил Михлин, Тель-Авив

Улица Пушкина, дом двадцать восемь –
Здесь я родился в промозглую осень
в послевоенном нелёгком году.
Здесь я родился, но здесь не умру...
Есть у него и другое название –
Северный-первый из белого камня.
Северный-первый – три гордых крыла...
Дом – он не птица, но гордость была!
Северный-первый – но кто тебя тронет?!
Северный-первый – он в полном законе!
Не в воровском, а в законе дворов –
Трусоз здесь били и знали воров...
Северный-первый – другие понятия,
Здесь верховодили старшие братья,
Те, что зачаты в сорок шестом
Теми, кто смог воротиться в свой дом.
За поликлиникой сквер «поликлишки»,
Там партизанили наши мальчишки,
Там получали «фашисты» сполна,
Там ещё долго гремела война.
А вечерами, после работы,
Наши папаши, оставив заботы,

Став королями «японских подач»,
Били восторженно кожаный мяч –
Смачно, с оттяжкой, били и били...
Господи, как же отцов мы любили!
Самых красивых и самых родных,
Самых оставшихся чудом в живых.
Детям другим, из других поколений
Не испытать этих сладких мгновений
Послевоенной счастливой поры...
Наши дворы – это наши дворы.

✍ Георгий Шахтарин, Томск

«Северный-первый – три гордых крыла...»
Больше уж нет родного двора.
Серенький холмик, на нём ни травинки.
Трудно представить печальную картинку.
Зелень исчезла, сломали ограду.
Холм сей заставлен машинной армадой.
Там, где уютный был садик «задом»,
Вырос уродский аптекарский дом.
Зелени нет и в саду «поликлишка».
Негде теперь партизанить мальчишкам.
Арку застроили. В ней магазин...
Дальше описывать нет больше сил.
«Улица Пушкина, дом двадцать восемь –
здесь я родился в промозглую осень...»
Не омрачай, ты родился весной
В год от Победы восьмой!
Что б ни случилось с нашим двором,
Помним, что были мы счастливы в нём!

Борьба за футбол и волейбол

После войны двор стал благоустроиваться. Силами пленных немцев построили железную ограду. На субботах жильцы дома высаживали акации, клёны, тополя. По краям садика стояли песочницы, а середина садика претерпевала различные метаморфозы. Поначалу старшее, довоенное поколение пацанов соорудило волейбольную площадку. Они вместе с отцами всласть лупили мячик. Но это почему-то не понравилось домоуправу, и дворнику было поручено спилить столбы. Через несколько лет наше поколение восстановило волейбольную площадку. Мы уже ставили столбы из железных труб, а основание заливали бетоном.

Но у нас в приоритете был футбол. Целыми днями наша ватага во дворе гоняла мячик. Послевоенной детворы 1947–1952 годов рождения было много. Делились на две команды. Одну возглавлял Вовка Биба, другую – Стасик. Это были постоянные капитаны и главные форварды нашего двора. Штангами ворот в игре служили клёны. Иногда мячик залетал в окна магазина или городской нотариальной конторы. Такое положение не устраивало

домовое начальство, и началась борьба с нашим футбольным полем. В центре двора возникла большая клумба в форме крышки от гробики. Детвора отвечала набегами на эту клумбу, вырывая с корнями георгины, а в центре клумбы иногда возникал «могильный крестик».

Вместе со взрослыми

По зиме клумба исчезла, и неугомонные мальчишки решили залить каток. Подошли к этому основательно. На стройке натырили доски и обложили ими заливаемую площадку. Для заливки катка использовали кран, выведенный из бойлерной, с помощью которого поливалась пресловутая клумба. Это наше начинание нашло одобрение у домового начальства. Были даже установлены прожекторы для освещения катка. Вечерами сюда приходили и взрослые. Часто мне приходилось кататься рядом с начальником отдела кадров комбината Борисом Ивановичем Буйвидом.

А ещё взрослые любили играть в настольный теннис. Доски для стола были также позаимствованы на стройке. Вечером стол прятался в подвал, а поутру извлекали его, ставили на козлы, и весь день во дворе слышался стук шарика о ракетки.

Городки, прятки, войнушка

Было и другое развлечение – городки. Городошные площадки тоже сами выложили из кирпичей. И сейчас можно найти останки этой площадки под стоящими в центре двора автомашинами. Да, от двора нашего детства ничего не осталось. «Серенький холмик, на нём ни травинки – // трудно представить печальную картинку. // Зелень исчезла, сломали ограду. // Холм сей заставлен машинной армадой», – такую унылую картину увидел я год назад, посетив двор детства.

Игры наши не ограничивались двором. Футбольные баталии проходили и на поляне-пустыре, где сейчас располагается сквер Победы. Через арку можно было проникнуть за дом, где располагалось два уютных садика, а если перейти через трамвайные пути, то можно было попасть в сквер, густо поросший кустами волчьей ягоды и другой зеленью. Здесь мы играли в прятки и войнушку. Сквер примыкал к дому, где располагалась городская поликлиника, и садик этот мы называли «поликлишка». Сейчас в садике не осталось ни кустика, а в центре его построили большой сарай – Сбербанк. Также и в садике за домом зелени нет, но есть сарайчик

поменьше – аптека. Арка, в которой мы лазили по ковanej решётке, теперь стала магазином.

Рыцарские мечи из ящиков

Магазин в нашем доме также влиял на жизнь двора. Ранним утром с шумом и звоном разгружалась машина с флягами молока, а уже через час к заднему входу молочного магазина выстраивалась очередь лошадок, на которых фляги развозили по детским садикам. С балконов можно было отследить привоз колбасы и бежать в магазин занимать очередь.

Но самое интересное было с торговлей яйцами, которая проводилась прямо под нашим балконом. Яйца привозили в больших ящиках, наполненных стружкой. Целый день их продавали по норме 30 штук в руки. Поэтому приходилось вставать в очередь семьями, чтобы получить девять десятков яиц. Ящики от яиц радовали нас тем, что из досочек от них можно было вырезать отличные мечи для рыцарских боёв.

Вечером к магазину подъезжал возок с запряжённой серой в яблоках лошадкой – инкассаторы. Здесь вспоминается событие середины 50-х годов, когда десятиклассники мужской школы совершили вооружённое нападение на такой же возок с инкассаторами. Да, были и такие события в послевоенные годы в нашем городе.

Союз талантливых мальчишек

Не только футболом жила наша компания. Юрка Костенко объединил нас в творческие союзы писателей, театралов и артистов эстрады. Мы собирались в его квартире на шестом этаже, представляли свои сочинения – стихи, рассказы. Ставили сценки и устраивали концерты. На этих встречах мы впервые услышали песни Высоцкого, Кукина, Клячкина – знаменитая первая плёнка с их записями. Песни с этой плёнки я и сейчас могу спеть даже в том порядке, как они на ней звучали. Юрка уехал в Москву. Участвовал в постановках любительских театров, но зарабатывал в Метрострое. Другие члены его «могучей кучки» стали профессионалами. Его брат Толик – музыкантом. Играл на фаготе, саксофоне, гитаре. Стасик Губанищев – заслуженный артист на театральном поприще. Мишка Михлин – поэт, руководил строительными фирмами. Ну а я полвека совмещаю работу профессионала-историка и любителя-вокалиста.

В искусство ушли и другие участники нашей дворовой ватаги. Режиссёром стал Венька Сливкин. Мишка Лазарев успешно совмещает работу профессора медицины и композитора, создавшего несколько альбомов детских песен. Заслуженным художником стал Юрка Шумов. Жизнь разбросала нас по стране и миру, а встречаться по рой приходится в Москве, Питере, Сибири и даже в других странах. Но память о дворе нашего детства живёт и постоянно выливается в создание литературных опусов.

Несколько лет назад в «Магнитогорском металле» публиковались воспоминания Толика Иовика, а толчком для написания этой статьи стали стихи моего друга детства Мишки Михлина, присланные мне в Сибирь с берегов Средиземного моря. Я послал ему ответ также в стихах и подумал, что рассказ о жизни послевоенного двора будет интересен читателям «Магнитогорского металла». Может быть, на страницах газеты и через полвека сможет собраться неугомонная ватага нашего детства.

✍ Жорка Шахтарин,
проживал когда-то в доме 28
по проспекту Пушкина в квартире 42